24/08/2019

Он вкладывал деньги в Музей русской иконы, а дела в бизнесе шли лучше

Меценатa Михаила Абрамова вспоминает Алексей Лидов

Подлинники, подражания, подделки в русской иконе, огромный центр древнерусского искусства – что еще не успел реализовать погибший меценат Михаил Абрамов, вспоминает Алексей Лидов, искусствовед, академик Российской академии художеств.

– Возникает чувство невероятной несправедливости: погиб человек, который мог бы еще очень много сделать для русской культуры, при том, что он уже сделал огромное дело. Михаил Абрамов создал первый частный Музей Русской иконы в Москве, причем музей, сделанный по самым высоким стандартам музейного дела. Музей находится на Таганке, напротив Афонского подворья, на Гончарной улице в отреставрированных и полностью переделанных, согласно современным требованиям, двух зданиях. Удивительная коллекция и новое пространство культуры возникло как некое чудо буквально у нас на глазах, не более чем за последние 15 лет.

В этот музей Михаил Абрамов вложил огромное количество энергии и собственных денег, и это была благотворительность в чистом виде: никаких доходов от этой деятельности он не получал даже теоретически, а только тратил, тратил, и тратил. При этом музей был бесплатен для посещения и уже любим многими москвичами и приезжающими в Москву, кто знал о его

существовании. Многие люди сейчас, в связи с неожиданной кончиной Абрамова, говорят, что это была лучшая экспозиция икон в Москве. И думаю, что во многом это мнение справедливо. Да, там не было таких великих икон, которые мы имеем возможность видеть, например, в Третьяковской галерее, но если говорить об экспозиции, освещении, условиях хранения и климатическом контроле. То есть о всей инфраструктуре, позволяющей нам полноценно общаться с памятниками древнерусского искусства, то экспозиция у Абрамова была лучшей.

Особенность коллекции Абрамова состоит в том, что значительная и, может быть, лучшая ее часть – произведения древнерусской иконописи, которые были возвращены в Россию с Запада. То есть те иконы, которые когда-то были проданы на Запад или перевезены контрабандой, и потому оказались в западных коллекциях, были найдены и где возможно выкуплены по решению Абрамова и его сотрудников, практически вернулись на свою историческую родину уже в качестве музейных памятников. Это вполне уникальная история, второй такой больше нет.

Михаил Абрамов – из интеллигентной московской семьи врачей, его родители живы, я с ними знаком, и пользуясь случаем выражаю им свое глубочайшее соболезнование, понимая, какая это страшная потеря. Он рано ушел в бизнес, в этом бизнесе добился огромных успехов, стал очень богатым человеком, причем свои деньги он ни у кого не украл, никто ему их не подарил при разделе умирающей страны, как это было у многих, все заработал, что называется, с нуля. В некотором смысле пример классического достойного бизнеса, о котором мы в нашей стране довольно редко вспоминаем, к большому сожалению.

Михаил Юрьевич рано понял, что никакого смысла в бесконечном увеличении своего богатства нет, а деньги существуют и зарабатываются для того, чтобы их тратить на что-то большее… Для Абрамова таким проектом стал Музей русской иконы, дорогостоящий, и абсолютно во всех материальных смыслах убыточный.

Кстати, он был уверен, что создание этого музея для него – не только форма самореализации, но и в каком-то смысле жертва, та десятина, которую он приносит Богу. Этот абсолютно трезво, рационально и прагматически мыслящий человек, мне на полном серьезе говорил: «Вы знаете, с тех пор, как я стал вкладывать деньги в иконы, мой бизнес развивается все лучше и лучше. Я уверен, что моя деятельность, связанная с приобретением икон и Музеем, оборачивается для меня успехами в моем бизнесе».

Поезжай в Измайлово и найди себе там, что понравится

К пониманию ценности древнерусской иконы Михаил Абрамов пришел случайно. Крестился он сознательно, уже взрослым человеком. В какой-то момент, как рассказывал мне Абрамов эту историю, один из друзей сказал ему: «Ну вот ты теперь православный, а где твои иконы?» На что Михаил с некоторым удивлением спросил: «А где эти иконы берут?». Дело было лет 20 назад, и друзья посоветовали: «Поезжай в Измайлово и найди себе там что понравится. Раз ты Михаил, то и нужно покупать икону соименного святого, а именно архангела Михаила, ищи иконографию «Архангел Михаил грозных сил воевода».

Михаил набрал побольше денег, потому, что считал, – любые иконы стоят очень-очень дорого, и поехал в Измайлово. Там его ждала нечаянная радость, он понял, что многие иконы стоят существенно меньше, чем он воображал. Эта поездка за иконой соименного святого окончилась тем, что Михаил купил пять икон «Архангела Михаила грозных сил воеводы». С этого началось его интерес и страсть к коллекционированию, его прекрасный Музей, который мы все знаем и который занимает свое важное, уникальное место на культурной карте Москвы. Таким образом, в самом начале знаний об иконе у него не было никаких, но была интуиция, замечательное чутье на компетентных профессионалов, и в основе всего – правильно выстроенная система ценностей. Он нашел нескольких серьезных экспертов, которых нанял на работу именно для того, чтобы они сначала сформировали коллекцию, а потом организовали Музей.

Поэтому установка была: не собирать числом поболее, ценою подешевле, что для многих непрофессиональных людей было бы естественно, а покупать пусть очень дорогие вещи, но древние и качественные. Как мне рассказывал директор музея, Николай Васильевич Задорожный, который с самого начала сотрудничал с Абрамовым: «Михаил не особо любит покупать иконы даже XVII века, потому, что считает, – надо искать по всему миру, и покупать самые

древние, самые ценные, XI- XVI веков».

Подлинники и подделки

В коллекции музея около 900 икон из примерно 5000 предметов хранения, и большая часть – действительно памятники музейного уровня. Кроме того, сам Музей, сделанный по самым высоким стандартам, относительно небольшой, но сделан образцово, с уникальным для наших музеев оборудованием. При этом Абрамов также огромное внимание уделял тому, на что обычно у государственных музеев не хватает денег, например, на организацию международных выставок – он делал выставки русской иконы по всему миру. Хорошо помню одну из них в Риме в 2017 году, в выставочном зале на Пьяцца Навона в самом центре великого города. Весь город был оклеен плакатами, призывающими на выставку, как на главное событие в музейной столице мира, что вызывало чувство законной гордости. На открытии был весь римский бомонд, приехала большая делегация из России. Это был своего рода образец правильной культурной политики, самой правильной из всех, которая только может быть для установления взаимопонимания между странами и народами.

Была замечательная выставка в Бари, в которой я тоже принимал участие: Михаил Юрьевич попросил научно-академической помощи в организации международных конференций. В рамках вокруг выставки русских икон была организована международная конференция «Святой Николай, Бари и русские иконы», которая прошла на высочайшем уровне, с участием ведущих специалистов из России, Западной Европы и Америки. Будучи человеком, далеким от академической науки, Абрамов прекрасно понимал значение таких сугубо научных мероприятий, в которых, как мы понимаем, участвуют не так много людей. Но они – очень важная составляющая общей картины, в конце-концов определяющая статус самой выставки.

Было еще много разных планов по организации различных выставок. Например, в последнее время приходилось много думать и работать над концепцией выставки, которая носила предварительное название «Русская икона: подлинник, подражание, подделка». Сейчас непонятно, осуществится она или нет. А это была бы первая выставка, посвященная отличию подлинников, подражаний и подделок, которые часто в обыденном восприятии сливаются во что-то одно, и иногда можем встретить мнение, что тут вообще не разберешься, и почти все подделки. Замысел был – показать, что действительно есть великие подлинники и есть, в том числе, великие подделки, которые даже профессионалу очень трудно отличить от

подлинника. Но разница существует.

Ни один из государственных музеев никогда не рисковал браться за подобную выставку, хотя проблемы с подделками, в том числе с выдающимися подделками, есть практически во всех собраниях. Но тема настолько скандальная, что никогда начальство госмузеев не соглашалось провести такую выставку. У частного музея в этом гораздо больше возможностей и готовности рисковать. Осуществится ли она сейчас, большой вопрос- ведь все проекты, которые организовывал Абрамов, он полностью оплачивал из собственных средств.

Теперь о главном. Проявлением уважения к памяти этого невероятного человека будет сохранение его Музея, который не должен быть потерян для русской культуры и московской музейной среды. Я не знаю, как это сделать технически, но ясно, что музей – неповторимое, значимое и запоминающееся явление современной духовной жизни в российской столице. Колоссальной утратой будет, если мы не сумеем сохранить и музей погибнет на наших глазах. Что может произойти, увы, быстро и легко.

Поэтому я призываю всех заинтересованных в русской культуре людей сохранить этот музей. Нужно найти механизм поддержки и финансирования. Я не уверен, что найдется еще один такой выдающийся и богатый благотворитель, как Михаил Абрамов. Но, хочется верить, что найдутся люди в мэрии Москвы, которые поймут, что Москва не должна потерять этот музей.

У Михаила были огромные планы по развитию музея, он был готов строить недалеко от Пушкинского музея огромный центр древнерусской культуры, в котором должны были быть и музейное собрание, и исследовательский центр, и просветительские детские и школьные студии. На это он готов был тратить громадные деньги…

Пример Михаила Юрьевича Абрамова вновь заставляет задуматься о значении личности в истории. Сколько у нас богатых бизнесменов? А сколько готовых вот так служить русской культуре? Он показал, как много может сделать один человек, причем сделать не для себя, а для других и для своей страны. Взамен он почти ничего не получал, разве что несколько месяцев назад ему было присуждено звание почетного члена Российской академии художеств. Он успел получить эту награду – абсолютно заслуженное признание. Это его радовало, но все-таки он работал не для званий. Я знаю, что он воспринимал свое дело как служение Богу, хотя очень не любил на эту тему говорить, чтобы не профанировать свои подлинные чувства.

Абрамова, к великому сожалению, не воскресить и не вернуть, но оплакивая утрату, мы должны принять ответственность за его главный дар этому миру – уникальный московский Музей русской иконы.

blagovest-info.ru